

Введение. О даре и, в частности, об обязанности возмещать подарки

Эпиграф

Приведем несколько строк из «Речей Высокого», одной из древних песен скандинавской «Эдды»[430]. Они могут послужить эпиграфом к настоящей работе, поскольку погружают читателя непосредственно в атмосферу идей и фактов, в которой будут разворачиваться наши рассуждения[431]:

“ 39 Je n'ai jamais trouvé d'homme si généreux
et si large à nourrir ses hôtes
que "recevoir ne fût pas reçu",
ni d'homme si... (определение отсутствует)
de son bien
que recevoir en retour lui fût désagréable.

*(Никогда не встречал человека столь великодушного
и столь щедро угощающего своих гостей,
чтобы «принимаемое не было принято»,
и человека столь...
из своего добра,
чтобы принять взамен ему было бы неприятно.)*[432]

41 Avec des armes et des vêtements
les amis doivent se faire plaisir;
chacun le sait de par lui-même (par ses propres expériences)
Ceux qui se rendent mutuellement les cadeaux
sont le plus longtemps amis, si les choses réussissent à prendre
bonne tournure.

42 On doit être un ami
pour son ami

et rendre cadeau pour cadeau;
on doit avoir
rire pour rire
et dol pour mensonge.

44 Tu le sais, si tu as un ami
en qui tu as confiance
et si tu veux obtenir un bon résultat,
il faut mêler ton âme à la sienne
et échanger les cadeaux
et lui rendre souvent visite.

45 Mais si tu en as un autre
de qui tu te défies
et si tu veux arriver à un bon résultat,
il faut lui dire de belles paroles
mais avoir des pensées fausses
et rendre dol pour mensonge.

46 Il en est ainsi de celui
en qui tu n'as pas confiance
et dont tu suspectes les sentiments,
il faut lui sourire
mais parler contre coeur:
les cadeaux rendus doivent être semblables aux cadeaux reçus.

48 Les hommes généreux et valeureux
ont la meilleure vie;
ils n'ont point de crainte. Mais un poltron a peur de tout;
l'avare a toujours peur des cadeaux.

Казн также обращает наше внимание на строфу 145:

145 Il vaut mieux ne pas prier (demander)
que de sacrifier trop (aux dieux):
Un cadeau donné attend toujours un cadeau en retour.
Il vaut mieux ne pas apporter d'offrande
que d'en dépenser trop[433].

Программа

Предмет исследования ясен из вступления: в скандинавской и во многих других цивилизациях обмена и договоры осуществляются в форме подарков, теоретически добровольных, в действительности же обязательно вручаемых и возмещаемых.

Данная работа представляет собой часть более обширных исследований. В течение ряда лет наше внимание направлено на изучение одновременно системы договорного права и системы экономических поставок между различными частями или подгруппами так называемых первобытных обществ, а также тех, которые мы могли бы назвать архаическими. Это огромный комплекс фактов, каждый из которых сам по себе очень сложен. Здесь перемешано все, что составляет собственно социальную жизнь обществ, предшествовавших нашим, вплоть до протоисторических.

В этих «тотальных» социальных явлениях, как мы предлагаем их называть, одновременно находят выражение разного рода институты: религиозные, юридические и моральные — и вместе с тем политические и семейные; экономические, предполагающие особые формы производства и потребления или, точнее, поставок и распределения; не говоря уже о феноменах эстетических, венчающих эти факты, и морфологических, выражающихся в названных институтах.

Из всех указанных сложнейших аспектов, из этого множества находящихся в движении социальных объектов мы хотим рассмотреть здесь только одну глубинную, но специфическую черту: добровольный, внешне, так сказать, свободный и безвозмездный и, однако, в то же время принудительный и небескорыстный характер этих поставок. Они почти всегда облекались в форму подношения, великодушно вручаемого подарка, даже тогда, когда в этом жесте, сопровождающем сделку, нет ничего, кроме фикции, формальности и социального обмана, когда за этим кроются обязательность и экономический интерес. Более того, хотя мы и обозначим точно разнообразные принципы, породившие эту обязательность обмена (т. е. самого разделения общественного труда), все же из всех этих принципов мы углубленно изучим лишь один. Какова юридическая и экономическая норма, заставляющая в обществах отсталого или архаического типа обязательно отвечать подарком на подарок? Какая сила, заключенная в даримой вещи, заставляет одариваемого делать ответный подарок? Такова проблема, на которой мы сосредоточим внимание, не упуская из виду все остальные. Привлекая достаточно большое число фактов, мы надеемся ответить именно на этот вопрос и показать направление, в котором может развернуться все исследование смежных вопросов. Выяснится также, каковы новые проблемы, стоящие перед нами: те, что касаются постоянной формы договорной морали, т. е. способа, по которому и в наши дни вещное право продолжает зависеть от обязательного права; а также другие, касающиеся форм и идей, которые всегда, по крайней мере частично, направляли обмен и которые до сих пор в определенной мере замещают понятие индивидуальной выгоды.

Таким образом, мы достигнем сразу двух целей. С одной стороны, мы придем к своего рода археологическим выводам относительно природы соглашений между людьми в обществах, окружающих нас или непосредственно нам предшествовавших. Мы опишем феномены обмена и договора в тех обществах, которые вовсе не лишены, как утверждалось, экономических рынков (так как рынок — человеческий феномен, не чуждый, с нашей точки зрения, ни одному из известных обществ), но где порядок обмена отличен от нашего. Рынок в них прослеживается до возникновения института торговцев и до их главного изобретения — денег в собственном смысле. Мы увидим, как функционировал этот рынок до того, как были найдены, во-первых, современные, можно сказать, формы (семитская, эллинская,

эллинистическая и римская) договора и продажи, а во-вторых — монетного чекана. Мы увидим, как действуют в этих соглашениях мораль и экономика. И поскольку мы установим, что мораль и экономика подобного рода продолжают постоянно и, так сказать, подспудно функционировать и в наших обществах, поскольку мы считаем, что обнаружили здесь одну из фундаментальных основ наших обществ, мы сможем извлечь отсюда некоторые нравственные выводы относительно проблем, порожденных нашим правовым и экономическим кризисом, на чем и остановимся. Эта страница социальной истории, теоретической социологии, нравственных выводов, политической и экономической практики, в сущности, приводит нас к тому, чтобы опять в новой форме поставить старые и в то же время всегда новые вопросы[434].

Метод, примененный в работе

Мы пользовались методом точного сравнения. Прежде всего мы, как и всегда, исследовали наш предмет только в определенных, заранее отобранных ареалах: в Полинезии, в Меланезии, на северо-западе Америки, а также в некоторых важных правовых системах. Затем, естественно, мы отбирали лишь те правовые системы, где документы и проведенная филологическая работа открывали доступ к сознанию самих обществ, поскольку дело касалось терминов и понятий: это еще больше ограничило область наших сравнений. Наконец, отдельные части нашего исследования относятся к системам, каждую из которых мы стремились описывать последовательно в ее интегрированности. Мы, таким образом, отказались от такого распространенного вида сравнений, где перемешивается все и вся, где институты теряют всякий местный колорит, а источники — свой особый стиль[435].

Поставка. Дар и потлач

Настоящая работа составляет часть серии давних исследований архаических форм договора, проводимых Дави[436] и мной[437]. Здесь необходимо кратко изложить суть этих исследований.

Представляется маловероятным, чтобы как в достаточно близкую к нам эпоху, так и в обществах, столь неудачно называемых первобытными или низшими, когда-либо существовало нечто похожее на то, что называют «естественной экономикой»[438]. Вследствие странного, но вошедшего в традицию заблуждения для доказательства существования этого типа экономики привлекали даже тексты Кука относительно обмена и меновой торговли у полинезийцев[439]. Тех самых полинезийцев, которых мы будем здесь рассматривать, дабы показать, насколько далеки они в области права и экономики от естественного состояния.

В экономических и правовых системах, предшествовавших нашим, не установлен обмен имущества, богатств и продуктов просто в форме рыночной торговли между индивидами. Сначала принимают на себя взаимные обязательства, обмениваются и договариваются не индивиды, а коллективы[440]; участвующие в договоре являются юридическими лицами: это кланы, племена, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно[441]. Более того, то, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это прежде всего знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств — лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора. Наконец, эти поставки и ответные поставки осуществляются преимущественно в добровольной форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба. Мы предложили назвать все это системой совокупных тотальных поставок. В целом наиболее чистый тип этих институтов представлен, на наш взгляд, союзом двух фратрий в австралийских или северо-американских племенах, где обряды, заключение браков, наследование имущества, правовые и экономические связи, военные и жреческие ранги — все дополняет друг друга и предполагает сотрудничество обеих половин племени. Игры, например, регулируются ими особенно тщательно[442]. Тлинкиты и хайда, два племени северо-запада Америки, хорошо выражают природу этих обычаев, говоря, что «обе фратрии проявляют друг к другу уважение»[443].

Однако в последних двух племенах северо-запада Америки и во всем этом регионе обнаруживается, конечно, типичная, но развитая и относительно редкая форма этих тотальных поставок. Мы предложили назвать ее потлачем, как, впрочем, называют ее американские авторы, используя чинукское название, которое вошло в повседневный язык белых и индейцев от Ванкувера до Аляски. Потлач означает главным образом «кормить», «расходовать»[444]. Эти весьма богатые племена, живущие на островах, на побережье или между Скалистыми горами и побережьем, проводят зиму в непрерывном праздновании: пиршествах, ярмарках и торгах, которые одновременно являются торжественными собраниями племени. Последнее располагается на них согласно своим иерархическим братствам и своим секретным обществам, которые часто путают с братствами и с кланами; и все это: кланы, бракосочетания, инициации, сеансы шаманизма, культ великих богов, тотемов и коллективных или индивидуальных предков клана — смешивается в сложном переплетении обрядов, юридических и экономических поставок, установлений политических рангов в мужском союзе, в племени, в конфедерациях племен и даже в международном плане[445]. Но особенно примечателен в этих племенах принцип соперничества и антагонизма, доминирующий во всех названных действиях. Дело доходит до сражений, до предания смерти вождей и знати, вступающих в подобное противостояние. И наряду с этим наблюдается расточительность, уничтожение[446] накопленных богатств с целью затмить вождя-соперника вместе с его близкими (обычно имеются в виду дед, тещь, зять). Здесь имеет место тотальная поставка в том смысле, что именно весь клан через своего вождя договаривается за всех, за все, чем он обладает, и за все, что он делает[447]. Но со стороны вождя эта поставка приобретает явно выраженную агонистическую манеру. Ей присущи черты ростовщичества и расточительства, в ней прежде всего отразилась борьба знати

между собой за место в иерархии, которым впоследствии воспользуется клан.

Мы предлагаем оставить название «потлач» для такого рода института, который можно наиболее осторожно и точно, хотя и слишком длинно, назвать тотальные поставки агонистического типа.

До сих пор мы находили примеры данного института почти исключительно в племенах северо-запада и части севера Америки[448], в Меланезии и в Папуа[449]. Повсюду в других местах, в Африке, Полинезии и Малайзии, в Южной Америке, в остальной части Северной Америки, обмен между кланами и семьями, как нам представлялось, относится к более элементарному типу тотальной поставки. Однако более углубленные исследования сейчас обнаруживают довольно значительное число промежуточных форм между таким обменом с ожесточенным соперничеством и уничтожением богатств, как на северо-западе Америки и в Меланезии, и другими, с соревнованием более умеренным, в которых стороны состязаются в подарках; так мы соперничаем в наших праздничных подарках, пиршествах, свадьбах, в повседневных приглашениях и так же чувствуем себя обязанными отплатить, *revanchieren*[450], как говорят немцы. Мы установили существование этих промежуточных форм в индоевропейской Античности, в частности у фракийцев[451].

Этот тип правовых и экономических отношений включает в себя самые разнообразные правила и идеи. Наиболее важный среди этих духовных механизмов, очевидно, тот, что обязывает возместить полученный подарок. Но нигде моральное и религиозное основание такого принуждения не выражено более явно, чем в Полинезии. Исследуем же его более детально, и мы ясно увидим, какая сила толкает к тому, чтобы возместить полученную вещь и вообще выполнять вещные договоры.

Версия #1

Зверобой создал 26 апреля 2026 02:01:24

Зверобой обновил 26 апреля 2026 02:07:01